

Александр Гриневский

ЛОВЕЦ
МГНОВЕННЫЙ

16+

Александр Гриневский

Ловец мгновений

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54032289

SelfPub; 2024

Аннотация

Аккуратнее с желаниями – они могут исполниться... Неожиданные последствия простой просьбы «пожить бы подольше, почувствовать всё еще раз, снова стать молодым...» разворачиваются на страницах фантастической повести с непредсказуемой сюжетной линией. Это история человека, проживающего жизнь день за днём в обратной последовательности. Автор затрагивает волнующие философские вопросы. Мы живем по придуманному кем-то сценарию или сами его пишем? Возможно ли избежать ошибок, допущенных ранее, если знать будущее? Как научиться любить жизнь, если завтра всё равно настанет, потому что это вчера...

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Гриневский

Ловец мгновений

I

Этого не могло случиться...

Не могло произойти никогда! Бред, страшный сон, затмение...

Закон – гвоздём вбит по самую шляпку, жестко и недвижимо – в тайге нельзя брать чужое. Смотреть на чужое нельзя! Он знал это... Знал не понаслышке – не новичок...

Лопухнулся... Отчего?

Не вернуть...

Солнце светило, речка журчала, трепетала листва, и она улыбалась...

Этого не могло случиться...

Лежал, укрывшись под стволом поваленной сосны, обломки сучьев упирались в спину. Перед глазами в надвигающихся сумерках паутина сухих веток, заросли мокрой тёмно-зеленой травы да размытая стена леса впереди.

Сквозь наплывающие волны жаркого озноба отрешенно видел, чувствовал себя со стороны: коротко стриженный, сорокалетний, заросший щетиной мужик, в расстегнутом ватнике поверх «энцефалитки», в болотниках, раскатанных до

верху, неудобно, одним боком, выставив плечо наружу, забился под поваленную сосну, лежит, уткнувшись головой в примятую траву. Одежда промокла, в волосах иголки, белёсые клочки свалывшейся паутины. Не шевелится, тяжело дышит, плечи ходят ходуном. Комары мелькают в воздухе, черными точками на шее, лице, руках. Тишина до звона, пронизанная писком комара. А вокруг, яростно прущая наружу, взламывающая пространство зелень – тайга, заполнившая собой всё вокруг.

Несмотря на обморочную усталость, пульсирующую боль в простреленном плече, – а так хотелось её облегчить хоть стоном, – всё же пытался как мог оценить, просчитать сложившуюся ситуацию и, по всему выходило, шансов выжить у него нет.

«Вот если бы ружьё...»

Но ружье осталось там, на берегу... Он даже помнил, как выронил его, падая на землю. Нет бы подхватить, подтянуть за ремень к себе, когда падал... Вместо этого, не соображая, сразу же откатился в сторону, за пенёк.

«Вот если бы ружье, тогда может и был бы шанс... Хотя, вряд ли...»

Сдавленно застонав, попробовал поменять положение – обломанный сук упирался в спину, мешал. Боль мгновенно пронзила плечо, он замер, уткнулся головой в землю, зарывшись в сырую траву, стараясь умиловить боль, охладить налитое жаром лицо.

«Всё-таки навыйлет или нет? Похоже, навыйлет... Вон, сзади, в ватнике какая дыра... Жакан. Дробью так не разворотило бы... Хорошо, что кровь остановилась. Промыть... Воды бы чистой, холодной...»

Пока бежал, только раз напился из какой-то лужи, случайно встретившейся по пути. Во рту кисло-горький привкус желчи – от жара, от боли, от бега рвало мучительно и долго, и сейчас приходилось постоянно бороться с подступавшей тошнотой.

«Хорошо бы понять, где эти уроды? Ничего не слышно... Даже птиц не слышно. Должны быть где-то рядом... Темнеет. Там, впереди, за деревьями болото. На ночь глядя они туда не сунутся, значит, заночуют, костёр запалят. Ну а я, как стемнеет, попробую... Всё равно деваться некуда. Пока ещё силы есть...»

Почему они сразу стали стрелять? Зачем? Почему не окликнули? А впрочем, к чему сейчас эти вопросы? Разве поймешь, что они думали в тот момент. Запаниковали... Скорее всего приняли нас за рыбнадзор, пришлый, заезжий, свой-то они в лицо знают... Одежда больно похожа: те же штормовки, «энцефалитки», ватники... А может, ещё что им привиделось... Запаникуешь тут, когда срок светит...»

Сейчас он ясно сознавал, что живым они его не отпустят, будут добивать.

«Не могут они допустить, чтобы у него был хоть малейший шанс добраться до людей, огласка им не нужна. Поня-

ли, что туристы... Начнётся следствие... Найдут! Притаёжные поселения слухами полнятся: кто куда пошел, кто кого видел... А так, пропали туристы и пропали. Сами с дуру в тайгу полезли, да еще по реке. Утонули, медведь задрал, заблудились. Тела закопают – никто никогда не найдёт. Тайга большая – всё спишет.

Одному, без еды, без ружья, с простреленным плечом – тоже не выжить, но не идти же самому сдаваться. Это совсем глупо.

Уходить от них надо этой ночью, по болоту – единственный шанс – утону так утону... Надо побороться...»

Подогнул под себя ногу. Левой здоровой рукой, провел по лицу, шее, сгоняя комаров. Руки черные, в коросте запёкшейся крови.

Усталость брала своё. Он, время от времени, куда-то проваливался, и, когда боль отступала, ярким калейдоскопом начинали кружиться, разворачиваться события последних часов – вся глупость, несуразность, весь ужас произошедшего...

***

Утро разливалось над рекой свежестью и солнцем. Журчала, бежала вода – темная гибкая лента реки с проблесками серебра по поверхности. Обступившая тайга дышала мощно, ровно. Деревья, по низкому берегу, нависали, заваливались в воду. Мелко трепетала листва. Легкий ветерок гнал кома-

ра. Утренне, солнечно, радостно.

Течение несло «резинку», грести почти не требовалось, так, время от времени, чуть подправить ход лодки, правильно и вовремя подгрести, выправляя нос, чтобы вписаться в очередную излучину. Река не широкая, особенно здесь, в верховье, метров двадцать, но довольно быстрая – мелкие перекаты да сменяющие их плёсы. Хорошо, что настоящие завалы пока не встречались. На перекатах, если было совсем мелко, он подтягивал сапоги и лез в воду, проводил лодку между торчащими камнями или тащил волоком. По-хорошему, надо было в воду сгонять и её, но случилась незадача – не достали ей «болотники», не было такого маленького размера, а в этих её сапожках заходить в реку нечего и думать – зальёт тут же, а вода-то градусов шесть. Вот и тащил гружёную вещами лодку вместе с ней, замирая порой от предчувствия, что вот сейчас, вот ещё чуть-чуть и порвёт баллоны о камни.

С утра, когда палили костёр, готовили завтрак, собирали лагерь, она не переставая болтала, о чём-то расспрашивала, всё ей было в диковинку, интересно, а сейчас, убаюканная утренним теплом, собственным бездвиженьем, потоком воды, что плескался, проносился мимо бортов, сидела молча, оцепенело.

В лодке не повернуться – на носу и в центре навалены вещи, укрытые от брызг и дождя прорезиненными плащами, сверху – ружьё, двустволка, собранный спиннинг. Он, – спи-

ной опираясь на грудь вещей, – на вёслах; она – лицом по ходу движения, на надувном баллоне, на корме. Лицом к лицу, колени в колени.

Пока ему всё нравилось. Всё шло по плану, без каких-либо огрехов, да и Наташка вела себя хорошо. На самом деле, в Москве, когда только начинал раскручивать эту поездку, терзали сомнения – молодая девчонка, впервые в тайге... Да она не только в тайге, и в походе-то ни разу не была, сорвётся, начнутся капризы, недовольство – и всё: вместо захватывающего дух приключения получишь полную задницу! Как

ни странно, пока вела себя на удивление покладисто. Тьфу, тьфу, тьфу, чтобы не сглазить.

Он мельком глянул на неё. Мешковато сидящий энцефалитный костюм – грязно-зеленая куртка и широкие штаны, делали фигуру бесформенной, толсто-угловатой. Спасаясь от комаров, надела на голову капюшон и стянула завязки под подбородком. Наружу, только симпатичное озорное личико – со стороны и не разберёшь, то ли молодой парень, то ли девчонка. Задумчиво сидит, рассматривая поверх его головы изгибы реки, выворачивающиеся по ходу, провожая взглядом коряги и полузатопленные деревья вдоль берега, изредка, машинально опуская руку в воду – играет с течением.

И что она к нему присохла? Смотрел на неё и не находил ответа. Активность в их отношениях проявляла она. Его, конечно, привлекали её красота и молодость, но не так, чтобы «ах»! Красивая молодая девчонка, в постели с ней хорошо, да ещё и влюбилась, – конечно, это грело, было приятно. Но это не любовь, по крайней мере, с его стороны.

Они познакомились около года назад, в Египте. Курортный роман, как было принято считать раньше, который, как ни странно, не заглох, а плавно перетёк в заснеженную Москву.

Он приехал в Дахаб с друзьями учиться виндсёрфингу, она же просто болталась там с подружками – тусовалась, жарилась на пляже. Фортуна швырнула кости – где-то, как-то пересеклись, зацепились взглядами, вечерние танцы, бар и

вот они уже сидят вдвоём на берегу моря. Тишина, темнота хоть глаз выколи, и только волны шурша набегают на песок. Тепло, бездумно, лениво. Оазис, светящийся огнями за спиной, зыбкий, как мираж, а вокруг вязкая чернота ночи, пыльная пустыня и хриплое дыхание моря.

Двадцать шесть. Разведёнка. Детей нет. Шикарные волосы – густые, до плеч, цвета спелой пшеницы. Чуть выше среднего, худая, длинноногая, даже, пожалуй, слишком длинноногая... Была в её фигуре какая-то несуразность, угловатость, как у жеребёнка, но это и привлекало. И в мозгах у неё было что-то не в порядке, не так, как все, она смотрела на этот мир. Нравилось ей, всё убогое и неправильное. Он хорошо помнил, как уже в Москве, под Новый год, она с восторгом и умилением, всплёскивая руками, рассматривала и восхищалась облезлой донельзя елкой, которую продавал пьяный мужик в переходе. И ведь восхищалась совершенно искренне. На эту ёлку без слёз не взглянешь, а ей она нравилась... В общем, было в ней что-то такое, что притягивало его, как магнитом.

Вот в этих ночных посиделках на берегу моря и родилась авантюрная идея...

Всё просто. Ночь, берег тёплого моря, молодая симпатичная девушка под боком, вот он и завёлся, распушил хвост. Полились бесконечные рассказы из прошлой жизни – про геологию. Это сейчас он в бизнесе, рубит бабки, а раньше... И понеслось! Север, вертолётные забросы, сплав по таёжным

рекам, охота, встречи с медведем, голодовка – он щедро вываливал, живописал приключения своей молодости. Подкупало, что слушала заворуженно. Она первая и предложила... Даже не предложила, попросила: «Что мы по югам мотаемся? Всё одно и то же! Покажи мне Север... Давай сплавимся по какой-нибудь реке. Сам выбери, ты же знаешь... Я – нормально... обузой не буду! Обещаю!»

Когда ты ночью лежишь на прогретом бешеным дневным солнцем песке, на берегу Красного моря, перебирая пальцами светлые волосы прикорнувшей рядом девушки, – то конечно! Поедем! Когда? Да хоть завтра! Главное, что не сейчас, сейчас и здесь хорошо...

Идея поездки на Север должна была умереть, раствориться в мутном мареве монотонных московских будней. Но нет, она помнила и, время от времени, когда встречались, напоминала ему, возвращалась к этой идее. Потихоньку, он и сам начал серьёзно рассматривать возможности такой поездки. Да что там говорить – на Север тянуло... Обсудил всё с друзьями, прозвонился по старым связям в Архангельске... К лету, действительно, что-то начало вырисовываться.

Потянулся плёс, длинный, медленный. Он, изредка подгребая вёслами, пристально вглядывался в темную толщу воды, сквозь которую с трудом прорывались солнечные лучи – застревали, расцветивая воду светло-коричневым. Над головой белёсое северное солнце. Бесформенные, тяжелые столбы белых облаков на синем августовском небе. Тихо, спокой-

но, только время от времени прошебечет невидимая пичужка, подчёркивая зависшую между деревьев тишину, да журчит вода в камнях переката.

Наконец, увидел. Двумя еле заметными гребками направил лодку ближе к берегу, понизив голос до шепота, стал объяснять ей, куда надо смотреть. Под самым берегом была яма. Солнечные лучи, растворяясь в глубине, мутно высвечивали два тёмных метровых бревна, испещренных бордовыми пятнами – сёмга, царь-рыба! Мечта любого охотника и браконьера.

Рыба неподвижно стояла на глубине, даже плавники не шевелились.

Он направил лодку к берегу. Над водой нависали густые кусты, можно было зачалить к ним лодку и побросать спиннинг. Понимал, что шансы поймать на блесну сёмгу, с его-то умением, были минимальны, но случай упускать не хотелось. Сёмга – рыба сильная, умная, осторожная, поэтому и ловят её варварски – сетями.

Ухватился за торчащую ветку, лодка стала разворачиваться, притираясь бортом к кустам. Он прикрикнул на неё, чтобы не суежилась, сидела спокойно и ни за что не хваталась, – всё сделает сам, но в этот момент ветка обломилась; удерживая равновесие, навалился на борт, лодку сильно качнуло и медленно понесло прочь от ямы.

Можно было, конечно, подгрести, вернуться назад к кустам, но уже расхотелось, что-то нарушилось и он, чертых-

нувшись, поудобнее устроился на сидении и погрёб дальше.

Останавливал, успокаивал себя: «Ладно, это только первый день, всё и так хорошо, всё ещё впереди, и уж если не сёмгу, то хариуса он наловит, да и её научит пускать «мушку» через пережат... Хариуса много... Может и утка будет... Сегодня надо просто плыть, войти в привычный режим передвижения, чтобы понять, сколько они проходят за день и проверить, правильно ли рассчитал время двенадцатидневного маршрута до места «забора» – вывозить их должны вертолёт и надо вовремя прийти в контрольную точку».

Он что-то рассказывал ей о сёмге, о хариусе, способах их ловли, как приготовить свежую икру, сам, заводясь от этих рассказов, сдерживая себя, чтобы не остановиться на одном из пережат и не попробовать ловить.

Они плыли ещё часа два, и он как раз подумывал, что пора сделать короткую «днёвку» – чаю попить, быстренько перекусить, когда заметил впереди сеть, перегораживающую реку. Белые пенопластовые поплавки были притоплены сантиметров на десять, но всё же ясно просматривались в воде.

Перестал грести и показал ей. Она встала и, держась за его плечи, рассматривала цепочку белых поплавков под водой, что протянулась от берега к берегу.

– Смотри! А вон два поплавок с края утонули! Это что? Рыба попалась?

Он присмотрелся. Действительно, крайние поплавки были сильно притоплены.

– Давай посмотрим! Вдруг это сёмга? – её лицо загорелось весёлым азартом. – Мы брать не будем, только поглядим... – шёпотом, заговорщицки.

Не отвечая ей, огляделся по сторонам, прислушался. Тишина. Ни веточки не шелохнётся... Солнечные лучи отсвечивают в тёмной воде плёса, синее небо, да белые тяжелые облака над головой. Спокойно, радостно...

Он глянул на её весёлое лицо и, уже понимая, что ввязывается в эту дурацкую затею, решил попугать немного, показать ей, что всё куда серьёзней, чем она думает.

– Давай сделаем так: я сейчас с ружьём выйду вон на ту полянку, видишь, где пень торчит, и буду наблюдать с берега, а ты сама подплывёшь и посмотришь. Справишься?

– Справлюсь, наверное... А может, вместе?

Ему понравилось, что в её голосе зазвучали тревожные нотки.

– Нет, сама! Медленно подгрёбёшь, развернёшь лодку бортом вдоль поплавок и, не вставая на ноги, только на коленях, будешь перебирать руками по сетке. Поняла? Сетку в лодку не вынимать, рыбу тем более! Только посмотришь и всё! Поняла?

Она неуверенно кивнула.

– Да ладно, ты не волнуйся, не получится, так не получится – ничего страшного – заберёшь меня, и поплывём дальше. Резко загребая вёслами, погнал лодку к берегу.

Выйдя из лодки, упер руки в надувной баллон и с силой

отпихнул её к середине реки.

– Подожди, пока не греби, я сейчас на берег выберусь.

Он стоял, картинно уперев ружьё в бедро, поставив ногу на пень, торчащий среди ярко-зелёной травы и поросли молодых побегов, щурился на солнце, внимательно всматриваясь в зелёную завесу кустов и деревьев на противоположном берегу реки, одновременно стараясь уловить малейший звук, движение, среди переплетённых веток, но было тихо. Весело посвистывала какая-то мелкая птица...

– Ну, давай! – дал ей команду.

Неуклюже, шумно загребая по воде вёслами, она стала разворачивать лодку боком, вдоль видневшихся в воде поплавок.

Он, улыбаясь, смотрел, как она неуверенно опустила руки в воду и взялась за сеть.

Что-то его всё же тревожило...

Чуть повернул голову, перевёл взгляд и обомлел! Там, где деревья по краю поляны подступали к реке, под наваленными свежесрубленными ветками – листва уже подвяла, потемнела, – впритык друг к другу стояли три железные бочки. Понял всё сразу, и внутри похолодело от этого понимания. Обвально, вниз по позвоночнику, прокатилась волна страха. Схлынул морок столичной показухи.

«Схорон! Браконьеры, местные... Заготовка сёмги в таком количестве – это верный срок! Бочки, – забрасывали вертолётom, больше сюда никак не попасть, – значит, люди

серьёзные, рисковать зря не станут, стрельнут и концы в воду, тайга большая, всё спишет... Сколько он таких рассказов слышал... Рыбнадзор стреляют, егерей стреляют... Остановить! Скорей!»

И только открыл рот, чтобы крикнуть, предупредить, как чем-то тупым и тяжелым ударило в левое плечо. От удара его развернуло, отшатнуло куда-то вбок, и, уже падая, роняя ружьё, услышал хлёсткий звук выстрела, что порвал, пробил этот солнечный день.

Ничего не соображая, не понимая, не раздумывая, интуитивно откатился за пень. Плечо взорвалось болью, горело словно обваренное кипятком. Резко вскрикнув, всё же сумел приподняться, опираясь на здоровую руку, и увидел, как она стоит во весь рост в лодке, держась за вещи, сложенные на носу, пытаясь разглядеть что-то среди зарослей кустов на противоположном берегу.

Оглушительно грянул выстрел.

Пуля попала ей в голову, сорвала капюшон, вырвалась на свободу копна пшеничных волос...

Она, беззвучно, спиной, заваливалась в воду.

Он окаменело замер, не в состоянии осознать, принять увиденное.

Пустая лодка, покачивая оранжевыми бортами, по инерции медленно плыла к противоположному берегу. Широкими кругами расходились волны вокруг грязно-зелёного горба «энцефалитки», торчащего наружу из воды...

Он что-то кричал...

Один за другим ударили еще два выстрела. Гулко отдалось в основании пня, свистнуло близко, слева... Подломив руку, рухнул лицом в траву.

И наконец-то услышал человеческий голос – взрыв матерной брани и крик:

– Уходит, сука! Анатолич, кто тебя стрелять учил!? К лодке, давай!

Не обращая внимания на жуткую боль в плече, откатывался, отползал с поляны под зелёную завесу деревьев.

***

Забывался, выныривал из зыбкого полубреда, раскрашенного яркими невозможными событиями, в реальность, наполненную болью, страхом, безысходностью.

Ночь, вытесняя свет, затапливала тайгу чернотой.

В какой-то момент, очнувшись заметил, что уже не различает деревьев в трёх метрах от себя.

«Ну что ж, пора...»

Скрипя зубами, морща от боли лицо, сел, привалившись спиной к стволу лежащей сосны.

«Надо тихо, не стонать, они могут быть рядом...»

Плечо болело, но если не шевелить рукой, то терпимо.

«Руку бы зафиксировать...»

Превозмогая боль, правой рукой засунул омертвевшую кисть левой в карман ватника – какая-никакая фиксация.

Сразу почувствовал сильную тупую боль в плече, что-то давило на рану. Кряхтя, сунул руку за отворот ватника и вытащил осклизлый, окровавленный комок – обрывок майки, который он оторвал на бегу и в запале комом засунул к плечу, под ватник, к ране, пытаясь хоть как-то остановить кровь. Брезгливо бросил к ногам. Подождал немного и аккуратно проверил плечо – кровь не шла.

Впереди, среди черных крон деревьев, был виден слабый просвет – болото. Медленно, стараясь не споткнуться, вытянув перед собой руку, защищая лицо и раненое плечо от веток, направился в ту сторону.

Деревья стали реже, затем пошел низкорослый кустарник, под ногами захлюпала жижа, но идти стало легче – он вышел на край болота. И даже несмотря на болезненное состояние, что разъедало сознание, сковывало тело, не смог не восхищаться открывшимся перед ним зрелищем.

Болото было бескрайним, тянулось за горизонт.

Оно заполнило собой всю Землю, казалось, нет ничего во-круг, кроме этой мокрой плоскотины. Небо над головой на-висало рваными тучами с редкими белесыми просветами и там, впереди, соединялось с кромешной тьмой уходящего за горизонт месива из травы и воды. Черными, редкими штри-хами виднелись сухие стволы деревьев, – голые, без сучьев, – да тускло проблёскивали, вытянутые петляющими лентами, участки открытой воды. Уныние, тревожная тишина, опас-ная открытость пространства.

Опустился на колени, вмял рукой траву – поверх высту-пила вода. Напился, стараясь не думать о том, что пьёт: да,

знает он всё! – пить надо, хотя бы через сложенный вчетверо платок, но сейчас-то какой в этом смысл?

Не поднимаясь с колен, огляделся. Не позволяя себе остановиться, отдышаться, поразмыслить, побрёл вперед, внимательно глядя под ноги, стараясь держаться кочек и островков желтой высохшей травы. Выбирал чернеющий впереди силуэт сухого дерева и шел на него. Куда? Просто шел... Наконец, вспомнил: шест, палка! Подобрал валявшийся в воде ствол молодой березки, долго и мучительно обламывал оставшиеся на ней ветки. Несколько раз потыкал перед собой и бросил. Одной рукой – тяжело, неудобно.

Шел медленно, аккуратно переставляя ноги, старался, чтобы не было всплесков – звуки по воде ой как далеко разносятся – и всё же не удержался, споткнулся о кочку и завалился в воду, на бок. Хрипло дыша сел в мокрую траву на ближайшем, выступающем из воды островке, с удивлением огляделся и только сейчас до конца понял бессмысленность затеи – болото не выпустит.

Болото простиралось во все стороны без конца и края – черное, неуютное, тревожное. Хотя нет, там, откуда пришел, в темноте светилась маленькая яркая точка.

«А! Значит, правильно всё рассчитал, в болото на ночь глядя они не сунулись, будут ждать утра. Думают, что и я не рискну. Вот вам! Если смогу ещё пройти километр или два – хрен вы меня достанете».

Он не хотел, не мог себе представить, что будет делать

один посреди болота, и главное, даже при самых благоприятных обстоятельствах, если выберется, то куда выйдет? Сейчас он ставил перед собой простейшие задачи: подняться на ноги; дойти вон до того дерева, корявая вершина которого маячит на горизонте; дошел? давай дальше, вон до следующего.

Наступил момент, когда понял, что больше идти не может.

С сожалением смотрел на чернеющий вдали ствол сухого дерева, до которого намеревался дойти, вздохнул и, с трудом переставляя ноги, побрёл к ближайшему островку с кособокой берёзкой посередине.

Опустившись на колени, с шумом втягивал ртом гнилую воду. Напился и сел, привалившись спиной к тонкому стволу. Сейчас важно было не потерять направление и не пойти назад. Поэтому, худо-бедно попытался запомнить характерные особенности деревьев, используя их в качестве ориентиров, и только после этого облегченно закрыл глаза – понеслись багровые круги на черном фоне.

Расслабленно сидел, пытаясь ни о чем не думать, но усталость ещё не до конца победила возбуждение от пережитого. Мысленно, вновь и вновь, возвращался назад: видел лодку; сорванный выстрелом капюшон; как она легко и покорно падает в воду... вот он, спотыкаясь и перелезая через поваленные деревья, ломится по лесу, не зная куда, лишь бы подальше от реки, от голосов, что доносятся сзади, рвёт на ходу подол майки, выпростав её из-под ремня, а она всё не

рвётся, а он всё дергает и дергает... вот она, прикрывается рукой и морщится, размешивая оструганной палкой макароны в котелке, – дым от костра попадает в глаза; а вот...

Калейдоскоп. Цветные картинки, не связанные между собой...

Он не хотел сейчас копаться в себе, знал, что допустил ошибку, не уследил за ситуацией – она умерла... Вина его и только его... Он тоже, наверное, долго не протянет, поэтому сейчас не хотел думать о ней. Сейчас надо было попытаться уцепиться за собственную жизнь, попробовать ещё потрепыхаться, не опускать руки, бороться. Но тоска заливала, топила... Ведь она беспрекословно повиновалась, доверяла ему, и не только здесь, в этой так кошмарно сложившейся поездке, но и по жизни верила в него. Как же он мог так лопухнуться?

«Супермен хренов, Рембо недоделанный – поддался, повёлся на восторженные взгляды молоденькой девчонки – всё из головы вылетело. Идиот! А, ладно, хватит об этом».

Сколько он так просидел – неизвестно. Сейчас его существование протекало вне времени.

Вынырнул из сладостного светлого полузабытья, когда что-то стремительное – птица – сова, наверное, – черной тенью, расталкивая вокруг себя воздух, пронеслась рядом, низко и канула в темноту.

Вздвогнув от неожиданности, медленно и изумлённо возвращался в своё тоскливое и болезненное одиночество.

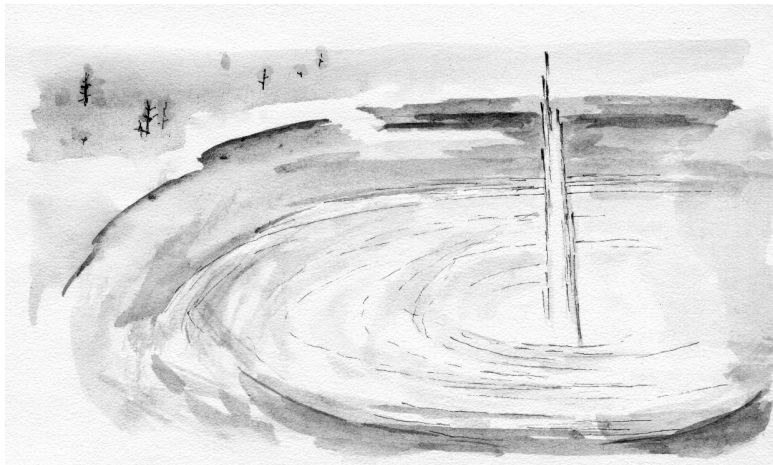
Ночь заполнила, залила пространство вязкой чернотой, и только впереди, на горизонте сияла, манила к себе серая тонкая полоска – то ли гаснущий закат, то ли зарождавшийся рассвет.

«Надо подняться и идти. Надо... Куда и зачем? Руку совсем не чувствую. Гангрена какая-нибудь начнётся... Как хорошо здесь сидеть, не двигаясь, закрыв глаза, надеясь, что провалишься опять туда, в забытье, где светит солнце, нет забот и жизнь протекает плавно и радостно...

Вставай, давай!»

Впереди, на фоне светлой полосы, коряво тянулись ввысь высохшие стволы деревьев, а чуть сбоку, относительно выбранного им направления, чётко выделялся один – прямой и ровный – тонкой иглой устремившийся вверх. Куда идти, в принципе, было безразлично – огонёк от костра преследователей давно пропал из виду...

Он зацепился мыслью за странную «иглу» на горизонте – хоть какая-то цель – дойти, посмотреть...

Сразу и не заметил, что под ногами пошла твёрдая поверхность. Всё так же хлюпала вода под сапогами, но почва перестала быть вязкой, засасывающей – была твёрдой, ровной. В другой ситуации, не будь он таким усталым и раздавленным, это бы заинтересовало, но сейчас просто тупо отметил про себя эти изменения, ничему не удивляясь и ничего толком не воспринимая.

До «иглы», как он назвал для себя это странное дерево, оставалось несколько десятков метров, и оно всё больше и больше напоминало обычный столб с остроконечной длинной верхушкой, искусственно изготовленный и непонятно зачем установленный здесь.

И ещё, он обратил внимание, как постепенно всё менялось вокруг – просто отметил, не анализируя, не стараясь понять. Шел по гладкой и ровной поверхности, напоминавшей скальное основание, непонятно, с точки зрения геологии, как очутившейся среди этого бескрайнего болота. Воды под ногами не было – сухо. Столб проблёскивал в темноте гладкой, черной поверхностью. А главное, та светлая полоса, что он принял за отголосок заката или начинавшегося рассвета, была внизу, почти на уровне земли, совсем близко и сейчас всё больше и больше напоминала полоску света, вырвавшуюся из-под неплотно прикрытой двери.

Всё вокруг было непонятным, но исчезла тревога... Пришло опустошенное спокойствие.

Потрогал, провёл рукой по гладкой и холодной поверхности столба. Металл или полированный камень – в темноте не разберёшь.

«Откуда он здесь? Кто и зачем поставил?»

Сел, привалившись спиной, пошарил руками вокруг себя. Поверхность, на которой сидел, гладкая, ровная, холодная, как у столба.

«Странно всё это... Неужели люди? Может «вояки»? Чего они только на Севере не понастроили – секретного и таинственного... Ведь, на первый взгляд, совершенно бессмысленное сооружение...»

Сидел, смотрел на свет впереди, а вокруг осязаемо клубилась влажная тяжелая темнота.

Хотелось пить, но возвращаться к воде не стал. Охая и постанывая, поднялся, покачиваясь пошел в направлении светлой полосы впереди, не сразу сообразив, что это был последний ориентир в сгустившейся темноте. Больше ориентиров не стало.

Шел легко, это не болото, и только было приноровился, пошел, механически переставляя ноги, не контролируя каждый шаг, как вдруг почувствовал, что стала затекать спина, шея, сильнее заболело плечо. Остановился и с удивлением обнаружил, что стоит, сгорбившись, вобрав голову в плечи, физически ощущая вязкое давление темноты. Нет, выпрямиться он мог, но при этом сила, что еле заметно давила на плечи, пригибала к земле, только увеличивалась. Разлившаяся вокруг темнота сейчас напоминала тяжелое ватное одеяло, придавливающее своим весом к земле всё живое. И можно напрячься, приподнять малую часть, только зачем? – огромная тёмная плоскость, что раскинулась вокруг, жила по своим законам, требовала подчинения.

Десяток шагов по направлению к свету, и тяжесть, навалившаяся на плечи, возросла.

И всё же он шел... Сначала, согнувшись в три погибели, потом встал на колени и, помогая себе здоровой рукой, по-крабьи, боком, упорно и одержимо стремился достичь светлой полосы. Время от времени, пробовал приподнять тяжесть, что давила сверху, – получалось, и это успокаивало, придавало силы, но долго находиться в таком положении бы-

ло бессмысленно, поэтому пригибался всё ниже и ниже и, наконец, пополз, неуклюже, боком, стараясь не потревожить больное плечо.

Вот он, свет – яркий, белый, неживой!

Рывком протиснулся, прополз, распластавшись, в эту светлую щель.

Лежал с закрытыми глазами – нестерпимо ярко вокруг, после долгих часов блуждания в темноте. Дышал тяжело, со всхлипом.

Не сказать, что он удивился – подспудно давно ожидал увидеть нечто подобное, не укладывающееся в голове, фантастическое... Предшествующие события настолько измотали психику, что душа закаменела, не поддавалась на внешние воздействия.

Яркий молочно-белый свет разливался вокруг. Неба не было – был свет...

Он лежал на краю огромной чаши, воронки, кратера? Нет слов, чтобы правильно определить и описать это огромное сооружение, раскинувшееся перед ним. Край чаши, из гладкого черного камня, похожего на обсидиан, матово поблескивал уходя вниз. Он видел только часть этой огромной воронки, ближайший к нему край, – остальное терялось вдали, в едва заметной дымке, но в форме сомнений не возникало – чаша или воронка. Внизу, в центре, клубилось что-то белое, напоминавшее облака или медленно перемещающиеся сгустки тумана.

Грандиозность сооружения завораживала. Зрелище было настолько необычным, не соответствующим знаниям природных конструкций и явлений, что он воспринимал увиденное, словно во сне, отрешенно, со стороны: ну, есть такая штукавина... интересно... – но к нему она не имеет никакого отношения.

Отстранённость, спокойствие и умиротворение. Даже плечо перестало болеть. Расслабленно лежал, прикрыв глаза от яркого света рукой, на краю громадной воронки, лениво убеждая себя, что скорее всего это сон, что вот сейчас он очнется и снова надо будет заставить себя подняться и брести по бесконечному болоту, спотыкаясь о торчащие из-под воды кочки, что пора бы, наверное, закончить этот истеричный побег в никуда самому, волевым усилием...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.